
ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
(печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

В. А. МОШИН *

Славянские рукописи в Македонии

Македония — земля первого знакомства славянских просветителей Кирилла и Мефодия со славянским языком, колыбель славянской письменности, где над ее созданием трудились первые ученики и сотрудники солунских братьев Климент и Наум, ядро державы царя Самуила, которая в последней четверти X в. охватывала и Преслав, центр болгарского просвещения в «золотой век» Симеона Великого, и в эпоху крещения Руси при Владимире Святом, современнике Самуила, посылала восточнославянским братьям славянское духовенство со славянскими книгами — судьбой истории в настоящее время является, вероятно, наиболее бедной рукописным наследием древности. Македонские рукописи несли свет древнейшей кирилло-мефодиевской книги на северо-запад, в зетские (черногорские), боснийские и хорватские области навстречу потоку западной традиции, струившейся из моравско-паннонского района, служили образцом для сербских переписчиков в эпоху династии Неманичей; в период культурного роста Руси после освобождения от татарского ига, в XV и XVI столетиях, при возрождении древней письменности и формировании новой литературы, вместе с сербскими и болгарскими книгами распространяли в Киеве и Москве «второе южнославянское влияние». В XVII в. в связи с исправлением церковнославянских текстов русская церковь посылала на Балканы тогдашних ученых людей на поиски авторитетных древних рукописей, которые были нужны для восстановления исправного перевода греческих оригиналов. К концу XVIII и к началу XIX в. в период рождения «славистики» — благодаря многовековым связям Руси с Балканскими странами — русские монастырские библиотеки и собрания отдельных меценатов наряду со списками древнерусских памятников обладали и многочисленными южнославянскими рукописями. Они послужили основой для будущей южнославянской палеографии: в работе А. Х. Востокова над систематическим описанием рукописей Румянцевского музея (вышло в 1842 г.) и в трудах Фр. Миклошича по изданию древнейших старославянских памятников во главе с Супрасльской рукописью. Следующее столетие — от середины XIX в. до второй мировой войны — эпоха блестящего расцвета славяноведения, сопровождавшегося, однако, страстной погоней научных библиотек и ча-

---

* Владимир Алексеевич Мошин (1894, С.-Петербург — 1987, Скопле) — известный югославский славист, сотрудничал с Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома, неоднократно печатался в ТОДРЛ (см. о нем: Загребин В. М. Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987): Некролог // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 452—455). — *Ред.*

стных библиофилов за древними книгами, — было в этом отношении роковым для Македонии, поскольку опустошило все рукописные хранилища в этой стране.

Уже «отцы», славянской филологии — Й. Добровский и П. Й. Шафарик — указывали славянским ученым на необходимость собирания памятников южнославянской и, в первую очередь, старославянской письменности на ее родине, возлагая при этом особые надежды на рукописные богатства святогорских монастырей. Сам П. Й. Шафарик в период своей службы в Новом Саде на Дунае (теперь в Югославии) между 1819 и 1833 гг. обошел сербские монастыри и церкви на соседней Фрушкой горе и собрал много важнейших данных о ряде ценных памятников.¹ При этом он составил собственную большую коллекцию рукописей, явившуюся ядром теперешнего собрания Чешского музея в Праге, где нашли место и несколько македонских рукописей.² В те же годы и Лукиан Мушички, просвещенный игумен Шишатовцацкого монастыря на Фрушкой горе, собрал свою коллекцию из 18 рукописей, которую после его смерти приобрел Вук Караджич.³ Творец современного литературного сербского языка и неутомимый собиратель произведений народной словесности и обычаев, Вук всю свою жизнь трудился и над собиранием рукописей. Кое-что из них он уступил П. Й. Шафарика, кое-что попало в коллекцию Е. Копитара, которая сейчас хранится в национальной и университетской коллекции в городе Любляне (СР Словения в Югославии);⁴ позднее В. Караджич развил настоящую торговлю рукописями, собирая их по всем сербским областям (особенно при посредстве своих поставщиков, которского священника Вука Поповича и Вука Врчевича) и продавая их иностранным учреждениям — Берлинской академии и Венской придворной библиотеке, Румянцевскому музею в Москве, ученым-собираателям М. П. Погодину, И. И. Срезневскому, О. М. Бодянскому и др.⁵ В этом начальном периоде район собирания рукописных сокровищ был в основном ограничен сербскими областями, освобожденными от турецкой власти, а особенно южнославянскими землями Габсбургской монархии, населенными сербами в эпоху австро-турецких войн XVI—XVIII вв. В этих коллекциях находятся и отдельные македонские рукописи, как, например, македонский Апостол в Праге, македонская Триодь Копитара в Любляне и др. Вероятно, они уже в старое время были перенесены с юга в сербские монастыри.

И на территории самой Македонии в это время появляется научный интерес к рукописным книгам. В статье о литературных трудах современника Л. Мушицкого, македонского игумена Кирилла Пейчиновича (ок. 1770—1845), А. М. Селищев пишет: «В свободное время от монастырских и проповеднических трудов любил отец Кирилл и занятие книжное. Значительное количество рукописных и печатных книг, собранных им в Лешском монастыре, свидетельствует об этом. Многие из книг были расхищены после смерти

¹ Schaffarik P. J. Geschichte der slavischen Sprache und Literatur. Ofen, 1826.

² Catalogus librorum, incunabulorum, codicum manuscriptorum, chartarum geographicarum, quae olim ad bibliothecam Pauli Iosephi Šafarik portinebant. Vindobonae, 1862; Сперанский М. Н. Рукописи Павла Иосифа Шафарика (ныне Музея Королевства Чешского) в Праге. М., 1894. (ЧОИДР. Кн. 1).

³ Станојевић Ст. Историја српског народа у средњем веку // Извори и историографија. Книга 1. О изворима. Београд, 1937. С. 7—8 (далее: Станојевић Ст.).

⁴ Мошин В. Њирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Џојсов њирилски одломак у Љубљани // Народна библиотека СР Србије. Опис јужнословенских њирилских рукописа. Уредник Димитрије Богдановић. Београд, 1971. Т. 1. С. 149—157. Здесь приведена и предшествующая литература.

⁵ Станојевић Ст. С. 133—135, 205—257.

Кирилла Пейчиновича. Но и до 1914 г. там все же находилось немало рукописей и старопечатных книг, собранных, несомненно, при жизни иеромонаха Кирилла. Некоторые книги переходили с ним из монастыря в монастырь. Так, Устав церковный XV в. был у отца Кирилла в Кичевском монастыре пречистой, как свидетельствует его собственноручная запись, а затем перешел вместе с ним в Марков монастырь, а оттуда в монастырь св. Афанасия. После смерти Кирилла Пейчиновича эта книга попала в село Лошок. В 60-х гг. ее приобрел А. Ф. Гильфердинг во время своего пребывания в Долнем Пологе. „Лошок близ Тетова“ — отметил он на переплете книги. От Гильфердинга этот Устав поступил в рукописное собрание Хлудова, № 123». ⁶ В этом собрании находится и копия сербской Иловичской Кормчей 1262 г., которую Пейчинович собственноручно сделал с оригинала, некогда находившегося в Марковом монастыре в окрестностях города Скопле (Македония), а теперь хранящегося в коллекции А. Михановича в архиве Югославянской академии наук и искусств в Загребе. ⁷

В 1830 г. Российская Академия наук командует Георгия Венелина в Молдавию, Валахию и Болгарию с особым заданием посвятить главное внимание изучению славянских древностей, и прежде всего рукописей; при этом выражает пожелание, чтобы Венелин прошел и через Македонию до Афона. ⁸ Обстоятельства позволили этому первому ученому-историку Болгарии ограничиться только восточной частью проектированного пути, и он не посетил Македонию.

Первый, кому это удалось, был хорватский культурный деятель Антун Миханович (1796—1861). Положение австрийского консула в Солуни дало ему возможность свободного путешествия по Македонии, а в 1843 г. и посещения Святой Горы. В. Григорович за время своего путешествия по Балканам в 1844—1846 гг. посетил Михановича в Салониках и пересмотрел его тогдашнее собрание рукописей. Оно заключало 25 памятников, по словам Григоровича, принесенных из Скопле. Между тем, как указывает М. Георгиевски, македонский учитель и писатель Иордан Хаджи-Константинович-Джин в «Цариградском вестнике» (№ 208 от 1 января 1855 г.) сообщает, что «Миханович в 1842 г. из монастыря Лесново взял три тюка («товара») разных рукописей. После того как Миханович их унес, кто-то угорюрил горожан города Кратова взять их назад. Для этого один горожанин пошел в Скопле и пожаловался паше. Но Михановичу все же удалось взять 17 рукописных книг. Остальные книги, которые были отняты у Михановича, не вернулись обратно, а в Скопле их разнесли кто куда». ⁹ Позднее коллекция Михановича выросла до 38 рукописей. На многих книгах этого собрания имеются заметки о их происхождении из Леснова, Пчинского монастыря, Маркова монастыря, а многие рукописи принесены с Афона. Большинство их — сербского извода, но там имеются и болгарские памятники, как Тырновское евангелие 1273 г., болгарская псалтырь XIII в., болгарский Видинский апостол 1426 г. и весьма ценное собрание македонских текстов. Здесь хранятся: Евангелие попа Иоанна конца XII—начала

⁶ Селищев А. Кирилл Пейчинович // Сборник в чест на Васил Н. Златарски... София, 1925. С. 398—399.

⁷ Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio. Opis. Zagreb, 1955. S. 48—54.

⁸ Летопис Матице српске. Будим, 1830. Ч. 21. С. 124; ср.: Ягич В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 449; Станојевић Ст. С. 123, примеч. 1; 192—193, 211. О Г. Венелине см.: Златарски В. Научно-книжовната дейност на Ю. И. Венелина и значението му за българите // Летопис на Българското книжовно дружество. София, 1903. Т. 3. С. 90—160.

⁹ Георгиевски М. Положбата на словенските македонски ракописи во минатото и денес // Библиотекарска искра. Год IV. Скопје, 1966. Јануари—декември. № 11—12. С. 99.

XIII в., Радомирово евангелие и Вранешницкий апостол XIII в., Октоих и Псалтырь той же эпохи. Следует упомянуть, что в знаменитой Иловичской Кормчей 1262 г. находился в качестве защитного листа при переплете Михановичев отрывок глаголического Апостола XII в., а на последнем листе книги — запись Кирилла Пейчиновича 1804 г. о тогдашней борьбе сербов с турками. Целую коллекцию Михановича после его смерти купил основатель Югославянской академии наук и искусств епископ Юрий Штросмайер и подарил ее академии. К этой коллекции, наряду с другими многочисленными рукописями, присоединен отрывок болгарского Апостола с частью 1277 г., а после второй мировой войны — постная и цветная Триодь начала XIII в. из города Битоли в Македонии.¹⁰

В то же время направился в Славянские края в Турции русский ученый В. И. Григорович (1815—1876) — храбрый человек, талантливый исследователь, вооруженный солидной подготовкой как славяновед и византинист. Через Константинополь он проехал в 1844 г. в Салоники; оттуда зимой 1844—1845 г. — на Афон, а в конце апреля 1845 г. поехал в Македонию. Через Битолу проследовал в Охрид; обошел озеро через город Стругу, монастырь Калиште (на северном берегу) и св. Наума (на юге); перевалив хребет Галичицу, дошел до Преспанского озера, посетил Ахил и Перово. Из городка Ресна дошел до монастыря Слепче, оттуда — в город Прилеп и в монастырь Трескавец; через гору Бабуну добрался до города Велеса (где турки его арестовали, а толпа бросила его в реку Вардар), затем через Овче-Поле и город Штипи проехал к 15 мая до города Сера. Оттуда через город Мельник — в Рыльский монастырь, а потом через Софию, Габрово, Тырново, Рущук и Румынию вернулся на родину. За время своего путешествия Григорович просмотрел 580 греческих и славянских рукописей, а в своем описании отдельных монастырей всегда сообщает, сколько там имеется рукописей и в каком состоянии.¹¹ Так, в главной охридской церкви нашел 69 греческих и 23 славянские рукописи; за время его пребывания в монастыре Лешке священник из села Велмей принес ему мешок рукописей и сообщил, что другие рукописи замуровывают в стены при построении нового храма. В городе Струге в церкви св. Георгия нашел несколько рукописей, отсюда Григорович унес сербский Апостол с записью 1277 г. и древнейшую рукопись Законника царя Душана. В монастыре св. Наума на второй паперти храма нашел последние остатки некогда богатой библиотеки, которую сжег предшествующий игумен грек Дионисий. В Перове нашел 20 славянских рукописей, в Слепче — 60 рукописей и отрывков в помещении над конюшней; С. И. Верковичу позднее слепченские монахи рассказывали, что якобы Григорович унес оттуда 12 самых лучших рукописей. Многие из этих сокровищ оказались в собрании Григоровича, среди них драгоценнейшие памятники: старославянское глаголическое Мариинское евангелие и Хиландарские листки XI в., охридский Апостол XII в. с отдельными глаголическими словами и целыми строчками среди кириллического текста, листки из слепченского Апостола XII в., Боянское евангелие-палимпсест с кириллическим текстом нач. XIII в., написанным по смытому глаголическому тексту, Паремийник Григоровича того же времени, Псалтырь и несколько других рукописей XIII в.,

¹⁰ Mošin V. 1) *Ćirilski rukopisi...* I. S. 6—8; 2) *O podrijetle Mihanovićeve ćirilске zbirke* // Slovo, Zagreb. 1955. № 4—5. S. 71—84.

¹¹ Григорович В. *Очерк путешествия по Европейской Турции* // Учен. зап. Казанского ун-та. Казань, 1848. Кн. 3; 2-е изд. — 1877. Ср.: Шишманов Ив. В. И. Григорович, неговото пътешествие в Европейска Турция // Сборник на Българска академия. 1916. № 6; Станојевић Ст. С. 8—9, 123—125 и др.; Гавриловић Ал. *Словенска путовања*. Београд, 1922. С. 158—178.

сербская рукопись «Книги царств», написанная для деспота Стефана Лазаревича в 1418 г., несколько списков Законника царя Душана и др. Нужно упомянуть, что многие из этих текстов — только отрывки, отдельные листы, которые для тогдашних малокультурных владельцев не представляли никакой ценности. Большая часть собрания Григоровича перешла в Румянцевский музей (сейчас Российская государственная библиотека) в Москве.¹² Значительную часть коллекции сам Григорович подарил Новороссийскому университету в Одессе (теперь в одесской библиотеке им. Горького).¹³ Одна русская рукопись хранится в библиотеке Казанского университета, а кое-что было передано Казанской духовной академии и находится сейчас в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге.

В 1857 г. совершил свое путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии известный славист А. Ф. Гильфердинг (1831—1872). В качестве русского консула в Сараеве он пользовался особыми привилегиями со стороны турецкой администрации, имел возможность посетить многие монастыри и церкви; при этих обстоятельствах ему удалось собрать чрезвычайно ценную коллекцию южнославянских рукописей. Он объездил Боснию, Герцеговину, Черногорию, Старую Сербию, был на Косове Поле и в Метохии, посетил монастыри Пиву, Доволе, Гориоч, Печ, Дечане, Грачаницу и другие; тогда же побывал в Скопле, Пологе и других местах в Македонии и собирал и там рукописи.¹⁴ Большую часть своего собрания (101 рукопись) Гильфердинг еще при жизни подарил Петербургской Публичной библиотеке.¹⁵ Среди них особый интерес представляет большая группа рукописей второй половины XIV в., а из них — 10 рукописей болгарского извода 1375—1385 гг., когда сербскую церковь возглавлял патриарх Ефрем, болгарин, друг болгарского патриарха Евфимия, реформатора церковнославянского правописания; два отрывка конца XIII—начала XIV в. представляют очевидную македонскую редакцию.¹⁶ Вторую значительную часть коллекции Гильфердинг уступил известному собирателю рукописей А. И. Хлудову: его коллекция в 1917 г. перешла в собственность Исторического музея в Москве. В последнем описании пергаменных рукописей музея приведено из данной коллекции 16 болгарских и 39 сербских памятников, среди которых находятся Карпинское евангелие и Апостол из Кумановского края, ряд ценных сборников, прологи и другие; многие тексты принадлежат македонской кратовской школе.¹⁷ После смерти Гильфердинга в ГПБ поступила в 1873 г. еще одна группа текстов: 3 отрывка с заметками о их

¹² Виктор А. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879.

¹³ Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1890. Т. 1. С. 53—133.

¹⁴ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Зап. Русского географического общества. 1859. № 13 (перепечатано: Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1873). Ср.: Станојевић Ст. С. 12—13, 109—114; Ягич В. История славянской филологии. С. 645, 769—774.

¹⁵ Отчет Публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 10—159; ср.: Мошин В. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 409—417.

¹⁶ Октоих монастыря Црна Река XIV в., № 19 и Поучения из монастыря Гориоч, № 60: Мошин В. К датировке... С. 412 и 415.

¹⁷ Попов А. 1) Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872; 2) Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875; Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольщенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Часть 1. Русские рукописи // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 135—232; Часть 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 273—309; см. также: Тихомиров М. Н. Южнославянские и молдавско-валашские записи в рукописях Гос. Исторического музея. Хлудовское и Уваровское собрания // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 285—335.

происхождении из Леснова, Охрида, Слелче и Рыльского монастыря и одна рукопись — Синодик из 138 листов, по всей вероятности, из Прилепа.¹⁸

В период между 1850 и 1875 г. прилежно собирал рукописи в Македонии страстный антиквар, историк-дилетант Стефан Веркович (род. в 1821 г. в м. Угляр в Боснии, умер в 1893 г.) По окончании богословского факультета в Загребе он в 1848 г. переехал в Белград; там, может быть под влиянием Янка Шафарика, решил посвятить себя археологическим изысканиям в Македонии. Начиная с 1850 г. он путешествовал по Македонии, Болгарии, Старой Сербии, северной Греции и Албании, копируя надписи со стен монастырей и церквей, выписывая записи из старых книг и собирая рукописи и старопечатные книги. Делал это сначала для белградского Общества сербской словесности (Друштво српске словесности), а затем и для себя лично. В 1857 г. он поселился в г. Сера и открыл собственный антикварный магазин. После 25 лет торговли древностями Веркович поехал в Белград в надежде продать там свою коллекцию из ста рукописей, а когда это ему не удалось (из-за чрезмерно высокой цены), он отправился с 53 рукописями в С.-Петербург, оставив по пути в Загребе еще 20 книг на сохранение у Фр. Рачкого. В России Веркович оставался 14 лет, торгуясь о стоимости своего собрания, которое в конце концов должен был в 1891 г. уступить Публичной библиотеке. В течение этого времени продавал что мог и другим покупателям: одно сербское Четвероевангелие XV в. и один сербско-болгарский Октоих XV в. Обществу любителей древней письменности; отдельные вырванные листы из македонской Орбельской триоди князю П. П. Вяземскому, и др. После этого уехал в Софию, где умер два года спустя.¹⁹ Собрание Верковича в ГПБ, состоящее из 34 рукописей (из них 20 на пергамене),²⁰ было в 1895 г. пополнено еще 37 памятниками, оставленными в свое время Верковичем у П. В. Сарафова.²¹ Упомянутые 20 рукописей, оставленные в Загребе у Рачкого, хранились в подвале Югославянской академии и в 1922 г., открытые там А. И. Яцимирским, были присоединены к коллекции рукописей в Архиве Югославянской академии в Загребе.²²

В мае и июне 1865 г. по Македонии путешествовал архимандрит Антонин (Капустин), ученый славист, принявший монашество и в то время служивший священником при русской церкви в Константинополе. Будучи хорошо знакомым с турецкими порядками, снабженный необходимыми рекомендациями, он поехал из Константинополя через Салоники в город Битола; посетил затем Прилеп, Ресен, Охрид, Преспу, Костур, Янину и др. Пользуясь как архимандрит особым вниманием со стороны церковных властей, он имел возможность просмотреть и описать большое число рукописей, хранившихся в монастырях. В монастыре Слелче он нашел около 40 рукописей, в Трескавце — 15, в Буковачком монастыре — 5 и т. д. Данные о своих изысканиях он опубликовал в двух книгах своего интересного описания путешествия — «Поездка в Румелию» 1879 г. и «Из Румелии» 1886 г.²³

¹⁸ Отчет Публичной библиотеки за 1873 год. СПб., 1875. С. 12—19; Мошин В. К датировке... С. 416—417.

¹⁹ См.: Станојевић Ст. С. 11—12, 125—129; Mošin V. Ćirilski rukopisi... I. S. 6—7.

²⁰ Отчет Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894. С. 17—51.

²¹ Отчет Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898. С. 38—70.

²² Mošin V. Ćirilski rukopisi... I. S. 6—8; Ильинский Г. Рукописи Верковича в Загребской академической библиотеке // Русский филологический вестник. 1904. № 2. С. 154—161.

²³ Антонин, архим. 1) Поездка в Румелию. СПб., 1879; 2) Из Румелии. СПб., 1886. Об архим. Антонине см.: Сырку П. (ЖМНП. 1879. Кн. 209 и 210); Новаковић Ст. Српске старине по Македонији. Белешке с путовања архимандрита Антонина од год 1865 (Споменик Српске Академије. 1891. Т. 9); Станојевић Ст. С. 129—131. Описание рукописей: Отчет Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1903 (Собрание архимандрита Антонина).

В те годы в Македонии собирал древности Иордан Хаджи-Константинович-Джин. Он родился в 1820 г. в городе Велесе, служил учителем в Велесе, потом в Скопле — с перерывом службы из-за столкновения с фанариотами, закончил жизнь в родном городе в 1882 г. Восторженный романтик-славянофил, неутомимый труженик на ниве народного просвещения, Джин с 1840 г. начал путешествовать по Македонии в поисках памятников древности, в первую очередь книг и рукописей, выменивая их на учебники и другую новую литературу и приобретаая на собственные, очень скромные средства для пополнения своей богатой библиотеки. В одном отчете, напечатанном в «Цариградском вестнике» 1851 г., он рассказывает, как в поисках старых памятников он исколесил окрестности Велеса, Прилепа, Битола, Преспы, Охрида, Скопле, Кратова, Тиквеша и др. При этом он регистрировал данные о состоянии библиотек в монастырях и церквях и об уничтожении памятников культуры как из-за темноты и небрежности монахов, так и благодаря систематическим акциям греческого духовенства по уничтожению древних текстов, написанных не на греческом языке. С 1851 г. он начал в этом журнале сообщать данные о рукописях, хранящихся еще в монастырях и церквях, насчитывая их тяками — «товарами». Рукописи, которые ему удавалось приобрести, посылал издателю «Цариградского вестника» Экзарху, в Стрию и в Белград. В сербскую столицу в первый раз он приехал в 1848 г. для установления связи с научными кругами по поводу продажи рукописей и бывал там несколько раз и позднее. В «Цариградском вестнике» от 10 октября 1863 г. № 142 был опубликован список тогдашней библиотеки Джина, состоявшей из 76 памятников, и это послужило для белградской Национальной библиотеки и сербского Министерства просвещения поводом вступить в переговоры с Джином о приобретении его собрания. Как раз в то время Джин потерял службу в Скопле из-за столкновения с архиереем по вопросу употребления славянского языка в богослужении и поехал в Белград, имея с собой древние грамоты монастыря Трескавца и несколько рукописей. В 1868 г. Сербское научное общество снова вело переговоры о покупке собрания Джина, но разрыв связей между Сербией и Турцией в 1868—1879 гг. прервал эти переговоры. Связь возобновилась лишь в 1879 г. благодаря посредничеству русского консула в Призрене Ястребова и поддержке белградского митрополита Михаила. Тогда Джин, уже немощный старец, послал письмо Министерству иностранных дел в Белграде с предложением уступить свою коллекцию из 36 рукописей и других памятников древности в обмен на материальную поддержку, которая обеспечила бы ему последние годы жизни. По предложению Стояна Наваковича, тогдашнего сербского министра просвещения и церковных дел, был одобрен особый кредит в сумме 2316 динаров, и Национальная библиотека в Белграде приобрела таким образом эту ценную коллекцию рукописей из Македонии.²⁴ В последней трети прошлого столетия собирали рукописи и другие культурные деятели в Македонии — Димитар Миладинов, учителя Стойко Акимович и Симе Дамьянович из Скопле, Хаджи Тодор Иованович и Лазарь Дума из Битола, Марко Тасов Мушович из Тетова, Янош Алексиевич из Велеса — главным

²⁴ Георгиевски М. Положбата... С. 94—97. См. также: Шоптрајанов Г. Библиотека на Хаци Константинов-Цинат // Годишен зборник на Филозофски факултет на Универзитет Скопје. Скопје, 1948. Кн. 2. С. 5—151 и статьи в журнале «Библиотекарска искра» Г. Шоптрајанова (год. I. № 2, апрель—июнь 1955. С. 29—42), К. Цамбазовского (год. II. № 5—6, январь—июнь 1956. С. 63—64), Т. Панговского (там же. С. 64—72), А. Машковского (там же. № 7—8, июль—декабрь. С. 55—74 и год. III. № 9—10, январь—декабрь 1966. С. 62—78); Станојевић Ст. С. 13—14, 131.

образом для Сербского научного общества в Белграде (теперь в Архиве Сербской Академии наук).²⁵

В 1884 г. посетил Македонию и Сербию русский славист П. А. Сырку. Его коллекция из 84 рукописей, приобретенная русской Академией наук после его смерти, содержит 41 памятник южнославянских редакций.²⁶

В конце прошлого столетия Русский археологический институт в Константинополе посвятил особое внимание памятникам древности в Македонии. В 1898 и 1899 гг. специальная экспедиция разыскивала и регистрировала рукописи по македонским монастырям. Тогда нашли 89 древних греческих рукописей и 17 славянских в Охриде (краткий список опубликован Ф. И. Успенским). В монастыре Слепче обнаружили еще около 50 славянских рукописей, в Прилепе — 5, принесенных из пригорода Вароши (хранятся и доселе), в Трескавце — 3, и т. д. Результаты этих изысканий печатались в «Известиях» Института.²⁷

В начале XX в. болгарский историк Йордан Иванов собирал материалы о древних памятниках в Македонии. Опубликовал их в книге «Български старини из Македония» (София, 1908, вышедшей вторым, расширенным изданием в 1931 г. и перепечатанной с дополнениями в 1970 г.).

Историческая судьба македонского народа, когда после падения царства Самуила в начале XI столетия на десять веков оборвалась нить его зародившегося самобытного государственного развития, была жестокой и для памятников македонской культуры. «Ромеизация» и антибогумильская инквизиция в период двухсотлетнего византийского владычества искореняли по всем Балканам богатую письменность старославянской эпохи. Церковь, которая в феодальном быту была главным источником просвещения и творцом культурных ценностей, в руках греческой высокой иерархии не заботилась о сохранении и развитии традиций славянской культуры среди своей паствы. В течение пяти столетий турецкого ига самые смелые мечты славянской «райи» не могли превышать стремления к самой примитивной правовой обеспеченности жизни и труда. В начале нашего столетия туркам было совершенно безразлично, кого будут интересовать памятники культуры их «райи» и кто и куда будет их уносить. Освобожденные в XIX в. сербы и болгары в своих суверенных государствах основывали высшие школы и ученые общества и создавали по европейскому примеру национальные библиотеки и музеи, собирая для них древности как в своих, так и в иных странах. Соседняя Македония была в этом отношении богатым и легкодоступным источником. Здесь не было ни государственной национальной власти, ни своей церкви, ни какой бы то ни было организованной народной силы, которая бы законодательным путем и другими средствами могла воспрепятствовать вывозу памятников культуры из страны.

Только после освобождения по окончании второй мировой войны в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии македонский народ получил возможность организовать должную заботу об охране, спасении и реставрации памятников своей культуры.

²⁵ См.: Антим Шивачев, архим. // Известия на Историческото дружество в София. 1928. Кн. 7—8. С. 117—121; Поленаковић Х. 1) Страници од македонската књижевност. Скопје, 1952. С. 160—163; 2) Современост. Скопје, 1954. № 9. С. 733; Панговски Т. С. 68—69; Георгиевски М. Положбата... С. 98—99.

²⁶ Ильинский Г. А. Пергаменные рукописи П. А. Сырку // Русский филологический вестник. 1908. Т. 59. С. 350—361; остальные рукописи в «Описании рукописного отделения Библиотеки Академии наук» (СПб., 1910. Т. 1, ч. 1; Пг., 1915. Т. 1, ч. 2; М.; Л., 1951. Т. 4, вып. 1); см. также: Куев К. Старославянски ръкописи в советските книгохранилища // Език и литература. Год 17. София. 1962. № 1. С. 71.

²⁷ Известия Русского археологического института в Константинополе. 1899. Т. III. С. 149 и др.; 1900. Т. IV. С. 135 и др.; Станојевић Ст. С. 131.

Сразу после освобождения новосозданный философский факультет университета в городе Скопле выработал план систематической регистрации и собирания памятников культуры, рассеянных по всей территории Республики Македонии. Факультет организовывал группы специалистов под руководством профессоров-филологов, историков литературы, историков, этнографов, историков искусства. Работа была территориально распределена по трем главным районам — охридскому, преспанскому и демирхисарскому. Каждая группа работала по своей специальности, но при этом регистрировала и другие встречавшиеся памятники культуры, в частности древние рукописи и старопечатные книги.

Интерес широких общественных кругов к проблеме регистрации и охраны памятников древности, пробужденный упомянутой акцией университета и откликом на нее в прессе, в последующие годы значительно возрос благодаря исключительному научному вниманию, которое после освобождения уделялось этим вопросам по всей Югославии академиями, национальными библиотеками, архивами, музеями и различными специальными институтами. Курсы палеографии и архивистики, постоянные или временные комиссии, представительные совещания по вопросам организации службы консервации и реставрации рукописей и архивных материалов, систематическая работа по регистрации и описанию рукописных собраний и т. п. вовлекли в свою сферу и Республику Македонию. Наряду с другими важными культурными манифестациями в данной области особое значение принадлежало XII Международному конгрессу византистов в Охриде в 1961 г., где особый интерес вызвала организованная тогда выставка охридской коллекции греческих рукописей, к которым были присоединены и пять оставшихся славянских рукописей некогда богатого собрания церкви св. Климента.²⁸

Для регистрации славянских рукописей большое значение имело торжество празднования 1050-й годовщины памяти Климента Охридского в Охриде в 1967 г., в рамках которого Охридский музей организовал чрезвычайно интересную выставку славянской письменности, которая представила большое число памятников южнославянской рукописной книги от старославянских текстов до македонских рукописей начала текущего столетия, а в особом отделе — памятники древней славянской эпиграфики в оригиналах, слепках и фоторепродукциях.

Непосредственным результатом этой замечательной выставки явилось совместное решение Республики Македонии и университетской и Национальной библиотек в городе Скопле об организации службы регистрации, консервации и реставрации древних памятников письменности и о работе над систематическим описанием всех рукописных сокровищ, сохранившихся на территории Македонии. Благодаря всемерной отзывчивости верховной республиканской власти 1 декабря 1967 г. в Гос. архиве Республики Македонии основан археографический отдел под руководством проф. В. А. Мошина для осуществления упомянутых заданий в отношении всего рукописного материала, хранящегося в разных собраниях на всей территории Республики Македонии. Последнее задание было выполнено в течение трех лет: описание славянских рукописей в Македонии вышло в 1971 г.²⁹

²⁸ Мошин В. Ракописи на Народниот музеј во Охрид // Народен музеј во Охрид: Зборник на трудовен, посебно издание по повод на основанието на Музејот, посветано на XII меѓународен конгрес на византологите. Охрид, 1961. С. 163—243.

²⁹ В. Мошин во соработка со Л. Славева, С. Кронево и Ј. Јакимова. Словенски ракописи во Македонија, I—II // Архив на Македонија. Скопје, 1971.

От всех рукописных сокровищ, которые еще в середине прошлого столетия исчислялись по македонским монастырям и церквам «товарами», осталось чрезвычайно мало. Во всех собраниях — в Национальной библиотеке в Скопье, в Гос. архиве Македонии, в Библиотеке македонской архиепископии, в собраниях философского факультета, в Институте македонского языка, в церкви города Прилепа и в сельской церкви в Ропотове, в Бигорском монастыре и в Кичевском монастыре Пречистой, в Охриде, Велесе, Битоле и других — нашлось всего-навсего до 150 рукописей, из них древних до XVII в. — лишь около 70, а текстов македонской рецензии только около 25, из них древних — лишь 5.

*

Поистине удивительна судьба македонской книги! Если мы и не поддадимся увлечению фантастическими грезами Хаджи-Константиновича-Джина о миллионах македонских древних рукописей, все же в отношении старого времени необходимо предполагать, что именно Македония должна была быть особенно плодотворной на поле письменности. В годы создания славянского письма и рождения славянской книги эти области находились в политических рамках Болгарского государства. Первый болгарский государь — христианин Борис-Михаил принял учеников Кирилла и Мефодия, изгнанных из Моравии, и послал Климента и Наума в Охрид с целью просвещения западных областей. Если справедлива догадка В. Златарского, что дата «преложения книг» — 893 г., помеченная в русской летописи, относится к указу Симеона Великого о повсеместной замене греческих богослужебных книг славянскими, то именно на Климента и Наума должен был пасть гигантский подвиг славянизации богослужения в Македонии. В этом случае теряет свой гиперболический характер свидетельство жития св. Климента о трех тысячах учеников, учившихся у него славянской грамоте. Вероятно, мы не ошибемся, если к этой просветительской акции Бориса и Симеона Великого применим рассказ нашей Начальной летописи об аналогичной деятельности русских князей-просветителей Владимира Святого и Ярослава Мудрого. О том, как после крещения людей в Киеве Владимир начал по всем городам строить церкви и ставить попов и по всем городам и селам крестить население, а затем послал своих подчиненных брать детей тогдашних аристократов — «нарочитой чади» и давать их «в учение книжное», а когда они познали книгу, исполнилось для Русской земли пророчество: «...услышат глухие слова из книг, и станет ясным язык косноязычных». А о Ярославе: собрал многих писцов и переводил с греческого на славянское письмо, и написали много книг, и достиг того, что, изучая их, верующие люди наслаждаются божественным учением...

Около ста лет продолжался для Македонии этот период распространения славянского просвещения в первом славянском царстве Симеона Великого, в котором славянская книга достигла своего первого «золотого века». Мне кажется, что нет оснований для предположения о существовании какой-нибудь культурной раздвоенности или соперничества между Преславом и Охридом в эту эпоху, когда первые духовные дети Кирилла и Мефодия трудились в разных краях славянского мира на общей ниве народного просвещения. Первое гнездо просветителей не могло быть большим. Все, что создавалось в Преславе, должно было переноситься и в Охрид, так же, как и все плоды творчества Климента и Наума должны были переходить и в Преслав. Первый литературный славянский язык был общим для всех славянских племен, так же как первое кирилло-мефодиевское правописание первоначально было единым. Но все же и для этой наиболее отдаленной

эпохи старославянской письменности острое око лингвиста находит в малочисленных дошедших до нас текстах следы (в первую очередь в области фонетики, затем лексики) отдельных языковых особенностей: моравизмы, паннонизмы, полонизмы, русизмы; на Балканах кроме сербизмов-хорватизмов — болгаризмы и македонизмы. Эти в своем последующем развитии послужили основой для фиксации соответствующих рецензий общего литературного церковнославянского языка, которые окончательно определились в течение XII в.

Крушение державы Самуила Македонского в последней четверти X в., на четыре десятилетия возродившего государственную традицию покоренной византийцами империи Симеона Великого, было и концом «золотого» преславско-охридского века старославянской письменности. Победоносная Византия стремилась и в культурном отношении вернуть Балканы грекам. Рука об руку с государственной «ромеизацией» церковная антибогумильская инквизиция должна была искоренить славянскую церковную книгу, которая греческим богословам представлялась преисполненной неточностями и ошибками, опасными для чистоты христианской догматики. Житие св. Иллариона Мегленского в середине XII в. рассказывает, что император Мануил II написал этому святителю-архиерею «рукописание, повелевающее всю богумильскую ересь до конца от стада очистить». Его младший современник канонист Валсамон свидетельствует, что в то время в Византии, как и на Западе, еретиков сжигали по постановлениям церковных судов. Сербский король Стефан II Первовенчаный в написанном им житии его отца Стефана Немани подробно описывает гонения на богумилов в Сербии — пытки еретиков и сожжение их на костре, конфискацию имущества, изгнание из страны и сожжение нечестивых книг. К концу X в. славянская книга была уничтожена на всем пространстве Балканского полуострова, включая Дуклю (Черногорию), Боснию, Хорватию и Далмацию, так что остатки глаголической письменности сохранились только на острове Крке, который в период завоеваний Мануила II остался под властью Венеции, и кое-что в монастырях и кельях на Афоне. После освобождения от византийского ига при восстановлении славянской церковной письменности сербы и болгары в то время могли получить славянскую книгу только из России, и русские рукописи действительно оказали сильное влияние при формировании сербского и болгарского правописания в первой половине XIII в.³⁰

Возможно, что Македония в то время имела более возможностей для спасения старославянского книжного наследия. Во-первых, потому, что сама автокефальная Охридская архиепископия в руках греческой иерархии при всей «эллинизаторской» политике все же почитала память славянских просветителей Кирилла и Мефодия, Климента и Наума, переводила на греческий язык их жития, где говорилось об их заслугах на ниве христианской проповеди и просвещения. Во-вторых, именно в этот период византийского владычества подвижнический дух воздвиг ряд новых монастырей в македонских пределах, в частности на отрогах Осоговской горы монастыри св. Гавриила Лесновского, св. Прохора Пчиньского и св. Иоакима Осоговского, где монахи трудились и над переписыванием рукописей. Уничтожение больших политических и церковных центров, которые в предшествующую эпоху служили очагами славянского просвещения и письменности, в условиях феодальной раздробленности территории, духов-

³⁰ Мошин В. К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 28—106; см. также в журнале «Slovo» (1962. № 11—12. С. 13—130).

ной подавленности славянского населения и религиозного брожения в народных массах, которые в богумильстве выражали свою реакцию на гнет византийского ярма, тяжесть феодального режима и формализм чуждой греческой церкви, — все это содействовало распадению первоначального языкового и орфографического единства старославянской традиции и все более интенсивному выявлению местных диалектических особенностей, которые в течение XII в. становятся характерными именно для македонских рукописей. В начале XIII в., когда после крушения Византии выросли возрожденные Сербия и Болгария, а Константинополь стал столицей Латинской империи под церковной юрисдикцией Рима, Македония оказалась в границах греческого Эпирского деспотата. Здесь и государственная власть, и Охридская автокефальная церковь в соседстве с могучими славянскими государствами должны были с большей терпимостью относиться к своему славянскому населению, что сильно отразилось на судьбе славянской письменности в Македонии. Именно XIII столетие оставило большое число македонских рукописей, которые ясно выявляют несколько особых областных вариантов македонской рецензии, в отличие от традиционной орфографической правильности болгарских рукописей Тырновской школы.

Новое положение наступило на переходе из XIII в XIV столетие, когда Македония была завоевана сербским королем Милутином. Источники из эпохи сербского владычества не сохранили нам данных о национальном составе тогдашнего феодального слоя на территории Македонии. Несомненно, здесь должно было остаться немало представителей старой местной славянской владетельной аристократии, которую еще Василий II после завоевания державы Самуила стремился привлечь к Византии, поручая славянам высокие должности при дворе и в государственной администрации и стараясь связывать брачными узами славянский феодальный слой с византийской аристократией. Их потомки в XIV в. не оставили в письменности следов о языке, на котором говорили в повседневном домашнем быту и в общественной жизни. Возможно, что тот ленник и прониор Вериха, который в скопском хрисовуле короля Милутина 1300 г. упомянут как перебежчик на сторону византийцев, был представителем местной македонской феодальной знати. Но все юридические памятники с территории Македонии в этот период написаны на сербском языке. По-сербски писали о своем несправедливом заточении в подземелье замка кесаря Волхны его вассалы Райчин и Киевец, жалуясь на невыносимый ужас тесноты и смрада темницы. Трудно предполагать, чтобы с сербским королем и при сербском дворе можно было тогда славянам говорить иначе, чем по-сербски. В высшей степени характерен факт, что в середине XIV в., в период владычества царя Душана, болгарский монастырь на Афоне должен был переводить свои древние византийские документы на сербский язык.³¹ Феодальное общество в Македонии в то время, независимо от своего происхождения, несомненно должно было говорить по-сербски. То же самое должно было происходить и в церкви, где все выдающиеся места в иерархии под юрисдикцией сербского патриарха были замещены сербами, представителями того же сербского феодального слоя. Этому слою принадлежали игумены, экономы, эклисиархи и другие «начальствовавшие» в монастырях, «грамматики» — секретари и писцы, грамотные люди, составители и переписчики многочисленных кодексов, написанных в македонских церквях и монастырях. Почти все эти рукописи писаны сербской рецензией. Таковы, например, Богданово евангелие Югославянской Академии начала XIV в. из Штипского края, Слепченское евангелие XIV в. той же коллекции, многочисленные

³¹ Мошин В. Акти из Светогорских архива // Споменик српске академије. Београд, 1939. Т. ХСІ. С. 153—260.

рукописи из Лесновского монастыря, св. Прохора Пчиньского, Трескавица и другие, рассеянные по югославским и болгарским библиотекам. Конечно, встречаются и отдельные рукописи македонской рецензии XIV в., как, например, Хлудовский паремийник первой четверти этого столетия, Норовское евангелие, Карпинское евангелие, Лесновский пролог второй четверти XIV в., Ефрем Сирий из монастыря Гориоч третьей четверти, Слеспченское евангелие Югославянской Академии и Евангелие кратовой школы Скопской национальной библиотеки конца XIV или начала XV в., но все это — редкие исключения в сравнении с сотнями токапов сербской рецензии. Следует иметь в виду, что и Охридская архиепископия после завоевания Охрида Душаном в 1334 г., хотя и сохранила ранг автокефальной архиепископии, сделалась сербской, поскольку на кафедры архиепископа и епископов назначались сербы. На всей этой территории сербский язык сделался официальным языком в государственной, общественной и церковной жизни, а вместе с тем и в письменности. Этот факт имел столь важное значение, что и после Косовской битвы, когда власть Печской сербской патриархии ушла на север в чисто сербские области, сербско-церковнославянский язык остался в употреблении в македонской письменности в течение XV и XVI столетий, и этот сербско-македонский симбиоз оказал огромное влияние при формировании в XVI—XVII вв. новомакедонского литературного языка.

Между тем в течение всего этого периода широкие массы местного македонского населения не могли оставаться только пассивным фактором в культурном развитии земли. И высокий чиновничий слой в государственном управлении, и сборщики податей, и духовенство в постоянном общении с населением не могли не усвоить отдельных особенностей местного говора — его словарь, грамматические формы, специфическое произношение гласных, ударение и т. д., и в процессе столкновения этих различных языковых стихий их влияние не могло не быть взаимным. Известен факт существенных перемен в области сербской акцентуации, которые обычно датируются концом XIV и XV в.; между тем сербские тексты нового правописания середины XIV в. со знаками обозначения ударения и долготы говорят о наличии процесса эволюции уже в этом периоде. С этой точки зрения рукописи сербской рецензии, возникшие на территории Македонии, представляют исключительный интерес как для истории сербского языка, так и для македонского. Важное место в этом вопросе принадлежит переводу греческого сборника Дамаскина Студита «*Ἐρησιάρως*», который был выполнен где-то в Македонии в последней трети XVI в. (как об этом свидетельствует имя одного из переводчиков, пелагонийского епископа Григория) и который породил многочисленные рукописи в течение XVII, XVIII и в начале XIX столетия. «В Македонии в это время, — пишет П. А. Лавров в своем «Палеографическом обозрении кирилловского письма», — всюду господствовала сербская школа, в частности ресавская. Понятное дело, что и в появившихся переводах преобладали сербские черты правописания и языка, иногда только с некоторой примесью болгаризмов. Дальнейшая история этих сборников, получивших смешанное содержание, — проповедей Дамаскина Студита и разных произведений средневековой южнославянской письменности, главным образом легендарной и апокрифической, состояла в том, что, освобождаясь от книжного влияния, они становились все более и более народными, отражая черты народного языка тех местностей, в которых они появлялись. Подобные старшие тексты нередко исключительно сербского правописания или по преимуществу сербского. Позднейшие, сохраняя сербские черты, приносят в тех или иных размерах болгарские особенности. Но даже и в тех из них, в которых болгарский характер получал преобладание, сказывалась зависимость от оригиналов, явившихся первоначально

на сербской почве».³² Текст этих «Дамаскинов» по существу представляет сербско-церковнославянскую рецензию, но по ряду новшеств в области морфологии (утрата падежей и др.), а также и в лексике может считаться переходным звеном при формировании младшей македонской рецензии церковнославянского языка.

Только XVIII век с новым «светским» просвещением и «гражданской» азбукой распахнул для Македонии, как и для других южнославянских языков, врата для формирования нового народно-литературного македонского языка. Наряду с народно-апокрифическими сборниками в течение XIX в. в эволюции языка важная роль принадлежала сборникам проповедей, которые тогда по своей служебной обязанности должны были готовить для церкви народные учителя; немаловажную роль играла также деловая, в частности церковно-административная, переписка вроде монастырских посланий о сборе пожертвований и жалобы против насилия турецких феодалов, а кроме того, и многочисленные случайные записи, встречающиеся в церковных печатных книгах, которые в XVIII и XIX вв. шли в македонские церкви из России.

---

³² Лавров П. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. 41. С. 316—317.